

ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАКОВОЙ СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ИХ МЕЖУРОВНЕВОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ

В статье явление межуровневой транспозиции языковых единиц исследуется в аспекте наблюдаемой при этом эволюции их знаково-коммуникативной сущности. В фокусе внимания находится субстантивное употребление единиц нелексического уровня – служебных морфем и предложений.

Ключевые слова: единицы языка, межуровневая транспозиция, субстантивация, контекстная семантика, интертекстуальность, авторефлексивность знака

Системная целостность языка обеспечивается функциональным взаимодействием его единиц, частным появлением которого можно считать их межуровневую транспозицию. Это одна из периферийных лингвистических универсалий; ее сущность состоит в том, что единицы одного структурно-функционального уровня языка переходят (узуально или окказионально) на другой уровень, существенно видоизменяя и расширяя при этом свои онтологически первичные семантико-прагматические и конструктивно-валентностные возможности. (О системно-релевантных предпосылках реализации и типологическом разнообразии явлений межуровневой транспозиции см.: [Халиков 2014]).

Поскольку единицы каждого уровня характеризуются комплексом имманентных категориально-статусных и функциональных признаков, специфичных именно для этого уровня системной иерархии языка, то вполне очевидно, что транспозиция рассматриваемого типа приводит к интенсификации знаково-коммуникативных свойств транспонируемых единиц – благодаря взаимодействию и наложению друг на друга системных категориально-строевых характеристик, на основании которых мы в языковом сознании и лингвистической систематике производим дифференциацию уровней языка. В результате межуровневой транспозиции меняется знаково-номинативный реляционный статус и модус функционирования языковой единицы. Указанное явление, чрезвычайно наглядным образом демонстрирующее функционально-динамическую сущность языка, рассматривается здесь на примере двух типологически отмеченных манифестаций.

Субстантивация служебной морфемы

Номинативно-семантический потенциал префикса или суффикса в системе языка не представлен в виде автономной и самодостаточной знаковой субстанции. Они являются строевыми элементами формальной структуры

единиц вышележащего уровня (слов), в этой же конструктивно-вспомогательной роли они выступают в структуре значения слова. Они синсемантические, реализовывают себя в знаково-репрезентативной функции опосредованно, на фоне предметной семантики корневой лексемы. Сказанным предполагается, что в лексическую систему языка и коммуникативно-речевой процесс эти единицы входят только в составе слова и только как элементы, модифицирующие различные аспекты его макросемантики – с той мерой спецификации, которая обусловлена целями номинации и коммуникации.

Функционирование служебных морфем в качестве самостоятельных дискурсивно-номинативных единиц связано с существенной трансформацией их семиотического статуса в системе языка. Транспозиция – одна из фундаментальных характеристик языка, воплощающая в своих моделях и коммуникативно-прагматических эффектах эволюционную, динамическую природу языка и знаковой функции как универсальной основы социокоммуникативного кода. Транспозицию рассматриваемого здесь типа, как представляется, можно трактовать как один из способов реализации в языке универсально-лингвистического механизма метонимической номинации явления, в своей глубинной сущности построенного на диалектике части и целого в природных феноменах: часть замещает целое и принимает на себя в условно-полном виде его знаково-репрезентативную функцию. Есть важное условие реализации данного механизма транспозиции: необычное употребление элемента языка со служебно-конструктивным статусом должно быть подкреплено комплексом средств контекстной актуализации. Номинативно-смысловой потенциал субстантивированной морфемы есть продукт взаимодействия системно-сигнификативной семантической интенции данного элемента и конкретного предметно-коммуникативного контекста. В следующем примере, где транспонированный префикс *при-* окказионально замещает ряд существительных с этим словообразовательным элементом (*прадед, прародители, пращур и др.*), формой такой поддержки со стороны контекста является эксплицитное указание на значительность временной дистанции: *В шкафах я увидел книги, которые держали в руках еще наши «пра». Некоторым из экспонатов несколько веков* [Свежая газета. Культура, 16/2014] (курсив наш – М.Х.).

В письменных текстах подобные случаи транспозиции часто маркируются кавычками, которые выступают здесь как сигнал особого применения данной единицы и сопутствующих этому обстоятельств, в том числе – прагматической составляющей: иронии, подчеркивания свойского характера сообщения, авторского смущения по поводу неканонического употребления языковых форм и др.

Субстантивированная морфема, хотя и является контекстуально-релевантным эквивалентом замещаемых полновесных лексических единиц, вызывает тем не менее эффект незавершенности, неполноты, открытости процесса семиозиса. Этому способствует и то, что остается неясность в

вопросе, одно слово замещается или целая группа слов (лексический ряд) субстантивированной морфемой. Возможно, этого не знает и сам автор текста (адресант сообщения). Эта семантическая неопределенность может подчеркиваться и избеганием однозначной актуализации новой категориальной принадлежности транспонированной единицы, как это происходит в следующем фрагменте:

Мужа она отталкивала, а меня притягивала. В ней была та мера «пре» – превосходства, преступления каких-то норм, в плену которых я существовала... Влекомая обещанной дружбой и потребностью «пре», я созвонилась с Марой и поехала к ней (В. Токарева).

Как видим, процессы транспозиции подразумевают интенсификацию контекстуального фактора. Инструментально это обеспечивается различными способами; к числу относительно редких приемов можно отнести включение метаязыкового комментария, эксплицирующего мотивы необычного локально-релевантного словоупотребления:

Und wie die Oma dann Rosine war, hat sie halt nicht mehr Leni geheißten, sondern Lenerl. Weil auf winzige schrumpelige Menschen so ein –erl ganz gut passt (R. Falk. Winterkartoffelknödel).

Употребление служебной морфемы в функции самостоятельной лексической единицы возможно благодаря пластичности языкового знака, его способности приобретать новые смысловые функции в соответствии с общим коммуникативно-смысловой интенцией текста. Семантика единицы морфемного уровня системности языка отличается от семантики слова как основной номинативной единицы языка. Семантически релевантно прежде всего их отношение друг к другу как части и целого. Морфема воспринимается в семантическом ореоле вспомогательного конструктивного элемента в структуре слова. Естественные языки ориентированы на тотальную семантизацию всех аспектов своей онтологии, в том числе релятивной статусно-функциональной дифференциации единиц. Есть более существенные отличия между указанными единицами. Знаковая природа словообразовательной морфемы такова, что она, в противоположность слову, не имеет собственной конкретно-денотативной базы, не способна называть отдельные предметы и явления окружающей действительности. Семантика служебной морфемы – не автономна, абстрактна, не коррелирует с дискретно-манифестированными концептами, в значительной степени диффузна, поддается экспликации только через развернутые описания. Часто семантическая весомость служебной морфемы связана с коннотациями.

Универсальным свойством языка является транспарентность межуровневых границ, отделяющих один класс языковых единиц от других. Примечательно, что межуровневая транспозиция осуществляется в обоих направлениях, т.е. не только в виде преобразования семиотически более простой единицы в более сложную, но и наоборот. Примечательно также, что с течением времени подобные процессы могут привести к изменениям

узуальной системности языка. Например, в ряде языков весьма распространено такое явление, как функциональное переосмысление одного из компонентов сложного слова и превращение его в словообразовательный элемент; таким путем в немецком языке из самостоятельных лексических единиц возникли деривативные суффиксы *-heit*, *-schaft*, *-tum* и другие [Степанова, Фляйшер, 1984: 150-156]. Выделяемая во многих языках категория полуаффиксов является наглядным примером того, что переходы и переосмысления рассматриваемого типа составляют природно-обусловленное свойство естественного языка, в значительной мере определяющие живую динамику его структурности.

Субстантивация предложения

Небольшая оговорка: речь идет о полноструктурных двусоставных предложениях; эллиптические и номинативные предложения здесь рассматриваться не могут, поскольку это может привести к полной утрате возможности фиксировать изучаемый объект в операционально осмысленных границах речевой эмпирики. В качестве экспозиции проблемы рассмотрим пример:

...eine Fußgängerzone voller Antiquariate, wo ineffektive, lesehütige, tweedhafte Menschen wie ich kurzsichtige Stunden mit der Suche nach Sie-wissen-auch-nicht-genau-was verbringen [Die Welt, 2012, 21.07].

Субстантивированное предложение функционально уподобляется имени существительному, выступает в тех же условиях линейно-синтагматического развертывания речи, что и его однословный номинативный коррелят.

Субстантивно транспонированное предложение легко вписывается в перечислительный ряд с обычными существительными, образующими синтаксически и тематически развернутую предложно-именную конструкцию в рамках единого повествовательного движения текста. Характерно, что в этом случае соблюдается порядок следования компонентов перечислительной конструкции с конечным расположением предложения как наиболее сложного в структурном отношении элемента. Препозитивное упоминание существительных имплицитно пропективную суггестивную интенцию «Этот тоже с нами», служит средством предвосхищающей актуализации измененного номинативно-функционального статуса транспонированной синтаксической структуры:

I wittered on for ages about fate and karma and how true love really does find a way [Sheila O'Flaganen. Connections].

Транспозиция воплощается в речи как продукт взаимодействия ряда контекстуальных факторов. В данном примере одним из таких факторов является то, что объектом транспозиции стало придаточное предложение – единица речи с инклюзивной стратегией, для которой привычно выступать

в составе более сложного синтаксического образования, быть конструктивным элементом в составе целого.

Упомянутое выше функциональное уподобление обнаруживает себя и в том, что транспонированное на уровень элементарных номинативных единиц предложение может появиться в роли определительного компонента сложного слова, ср.: *George W. profilierte sich nach 2001 durch eine konfrontative Wer-nicht-unser-Freund-ist-ist-unser-Feind-Außenpolitik* [Die Zeit, 21.07.2012].

В этом случае контекстуальным эквивалентом имени существительного стало сложноподчиненное предложение. Это позволяет сделать вывод, что для реализации данного приема не существует каких-либо ограничений в плане структурной сложности и размерности синтаксических единиц. Речевой материал показал, что могут субстантивироваться и сверхпредложенческие синтаксические блоки: *His dreams were interrupted, though, when Rochette buzzed in with a curt "That women is in the phone. Please talk to her. She's driving me crazy"* [John Grisham. *The Litigators*].

Последний пример интересен тем, что здесь максимально обнажено и эксплицитно проявляется связь транспозиции с другим значимым явлением в функциональной онтологии языка – интертекстуальностью. Возможность трактовки субстантивно транспонированного предложения в проекции на явления глобальной внутренней взаимосвязанности процессов дискурса и феномена интертекстуальности в той или иной степени очевидности заметна во всех приведенных здесь примерах.

В жизни и в культуре все держится на повторениях, на удвоении опыта. Речевая деятельность актуализована сразу в трех измерениях времени: в прошлом, настоящем и будущем. Эта сквозная временная связь обеспечивается явлениями интертекстуальности – содержательной и формально-конструктивной: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт 1989: 79]. По большому счету, идентификация речевого опыта по признаку цитата/нецитата возможна только в определенных границах, поскольку в значительной степени она обусловлена явлениями экстралингвистического порядка – глубиной фоновых знаний и объемом тезауруса коммуникантов. Вместе с тем, очевидно, что интертекстуальность играет значительную роль в конструировании речевой коммуникации, существенным образом модифицируя и обогащая семантико-прагматические возможности текстов. Интертекстуальные включения, семиотически и функционально уподобленные именам существительным, интенционально мотивированы и способствуют реализации определенных задач коммуникации (экономия речевых средств, усиление динамики и диалогичности повествования, стилизация разговорности и др.).

Субстантивная транспозиция предложения меняет его функционально-знаковую сущность. Как известно, реальные предложения существуют в виде высказываний, характеризующихся релевантным для данной предметно-речевой ситуации референционно-когнитивным содержанием. Транспонированное предложение не выполняет задач предметно-актуализованной референции, оно приобретает функции предикативного (характеризующего) члена в составе другого предложения. В его номинативном потенциале усиливается и становится доминирующим явлением сигнификативное начало, отвлеченность от конкретной содержательно-событийной составляющей обычного высказывания. Оно начинает функционировать как пропозициональная структура, как прецедентный феномен, опосредованно релевантный для данного места и времени протекания коммуникации, как информационно-знаковая единица интертекстуальной коммуникации. Предложение при таком измененном статусе дистанцировано от категорий модальности, истинности-ложности, аутентичной субъективной оценочности. Кроме того, при подобном употреблении предложение утрачивает свойство внутренней коммуникативной структурированности (актуальное членение). Транспонированное предложение индифферентно в отношении коммуникативно-прагматической типологии (констатация, вопрос, побуждение). Оно только структурно, в проекции на прецедентный речевой опыт, может рассматриваться как сложный знак, денотатом которого является актуально разворачивающаяся в коммуникативном процессе ситуация. В рассматриваемом здесь употреблении оно становится подобием элементарных знаков, слов-концептов. С точки зрения конструктивного синтаксиса оно выполняет функцию одного элемента сложной структуры высказывания: собственно говоря, оно является порождением этой функции – как явления, в значительной степени определяющего реальное словесно-знаковое воплощение языка и процессов коммуникации.

В аспекте прагматики речи можно отметить, что транспозиция придает знаку свойство авторефлексивности (по Лотману), вносит в текст экспрессию новизны языкового выражения, усиливает в нем диалогические интенции, коннотации языковой игры.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
2. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
3. Халиков М.М. О системном статусе межуровневой транспозиции языковых единиц // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2014. № 1 (112). С. 108-115.

**EVOLUTION OF THE SEMIOTIC ESSENCE OF LANGUAGE UNITS
AS A RESULT OF THEIR INTER-LEVEL TRANSPOSITION**

The phenomenon of inter-level transposition of linguistic units is investigated through the prism of discursive motivated evolution of their sign and communicative status; substantive using of non-lexical units such as affixal morpheme and sentence is highlighted.

Keywords: linguistic units, inter-level transposition, substantivization, context semantics, intertextuality, autoreflexivity of linguistic signs